

Ворона и Лисицын

Так случилось, что Лисицын остался один в старой двухкомнатной квартире. В старом же трёхэтажном доме, который тоже был старше него. Квартира давно не ремонтировалась, но Лисицын этого не замечал. Он привык к скрипу половиц под ногами, к свисту ветра в окнах. К тому, что иногда нужно выходить из дома за продуктами и в Сберкассу оплатить счета.

Целыми днями он просиживал перед телевизором или смотрел в окно. А там – зелёный двор летом, снежный – зимой, покрытый разноцветными листьями осенью. Деревьев во дворе было много, они охраняли его дом с трёх сторон. Напротив – такой же дом, но четырёхэтажный. Ближе к нему, под деревьями, стоял столик со скамейками. Некогда Лисицын сживал за ним с бутылочкой пива. Не с собутельниками, а с такими же пенсионерами, забывающими от скуки козла.

Прошло время, естественная убыль – кто уехал в более престижный район, кто-то переселился к детям, а кто-то – в лучший мир. Лисицын смотрел в окно, и его обурежала тоска.

И в один прекрасный день, когда солнце согревало уставшую за зиму землю и только что выросшую зеленую травку, раскрашенную одуванчиками и первоцветами, Лисицын оделся потеплее и вышел во двор. Медленно подходил к скамейке, опираясь на палочку. С каждым шагом сердце билось всё отчаяннее, в памяти проступали воспоминания.

Сел на скамейку и заплакал. Остался один... Над головой каркали бездушные вороны, не замечавшие произошедших изменений. По земле лениво топали голуби, подбирая крупу, рассыпанную сердобольными старушками. Меж ними сновали шустрые воробьи, желающие ухватить свою долю.

Но жизнь продолжалась, и с этим ничего нельзя было поделать. На следующий день он заранее приготовил термос с чаем, бутерброды. Завернул в газету – местные ведомости ему доставляли регулярно, вышел во двор, сел на скамейку. Тепло, солнце не обошло своим вниманием и сидевшего в тени Лисицына.

Он разложил бутерброды, налил чай в крышечку. Сделал глоток, второй. В чае – малина, черника. Летом Лисицын так выбирался в лес, собирал грибы и ягоды, просто гулял по лесу. Спешить ему было некуда, и это давало ему силы. Он медленно старел, но хвори его миновали.

Откусил бутерброд. Сыр свежий, вкусный. Положил на место. Некуда спешить, и это самое страшное. Но не сидеть же перед телевизором в такую погоду! Он задумался и не заметил, как к нему на стол прилетела ворона и пристроилась на самом краешке.

Она тихо сидела и внимательно смотрела на Лисицына. «Странно, – подумал он, – ворона не пыталась украсть бутерброд – они же всегда хватают всё, что плохо лежит. Или хорошо, но не под присмотром».

Эта же не пыталась ничего стащить, а только сидела и смотрела. «Да, у них же хорошая память, может, она и меня помнит?» – подумал Лисицын. А ворона переводила взгляд то на сыр, то на Лисицына. «А, сыру хочешь?» Он отломил кусочек и положил прямо перед вороной. Но та

только сказала: «Кар» и не притронулась к угощению. Лисицын покачал головой: «Ух ты, какая гордая!» Он немного подумал, взял кусочек, положил на ладонь и протянул вороне. Та, сделав шажок, аккуратно взяла сыр в клюв, и полетела. «Наверное, деток кормить», – догадался старик, покачал головой и углубился в воспоминания.

На следующий день он нарезал несколько кусочков сыра специально для вороны, взял бутылочку с водой и старую пиалу.

И всё повторилось. Только на этот раз, унеся сыр и выпив воды, ворона спустилась, сделала «круг почёта» и снова прокаркала.

А Лисицын вновь обрёл смысл жизни.

И так повторялась изо дня в день. Он уже ждал, когда прилетит его новый друг. Меж тем Лисицын слабел – возраст давал себя знать или притаившаяся хворь. Иногда ему было трудно даже встать с постели. Однако находил в себе силы сходить в магазин, купить неизменный сыр и хлеб. И ждал с нетерпением часа, когда вновь сядет за столик, разложит нехитрую снедь и предастся воспоминаниям. Привыкшая ворона прилетала каждый день в одно и то же время.

Иногда он что-то рассказывал вороне, та с пониманием качала головой, и ему казалось, что он возвращается в то время, когда напротив него сидели соседи, щёлкали кости домино или стучали по шахматным часам. Но видения рассеивались, и он снова оставался в одиночестве. Допивал чай и медленно-медленно поднимался на свой второй этаж.

И однажды не вышел во двор. Ворона прилетела, прокаркала. Ходила по столику и смотрела вокруг. Но Лисицына не было.

Через несколько дней в яркий солнечный день к старому дому подъехала чёрная карета, два крепких санитара вынесли из открытых дверей упакованное в чёрный мешок тело.

Ворона, будто что-то почувствовав, полетела следом и сопровождала машину, пока та не остановилась возле приземистого мрачного здания, а чёрный мешок переместили за стальную дверь. Ворона же взлетела на дерево и стала наблюдать.

* * *

Удивительно, но проститься с Лисицыным пришло много народу: и живущие в городе племянники с детьми, и соседи, и какие-то родственники. Немногие из тех, с кем он сидел за деревянным столиком...

Бросили горсти земли. Утерли слёзы. И оставили на столике угощение – рюмку водки, хлеб и сыр. И никто не обратил внимания на кружащуюся над свежей могилой ворону...

Через несколько дней кладбищенские работники, пришедшие поправить могилу и вырыть новую, заметили лежащую на земле дохлую ворону. «Давай похороним и её. Негоже оставлять неприбранной, всё ж живое существо было»... Лопата, земля.

И будто не было ни вороны, ни Лисицына. Только одна табличка в изголовье.

ЭВТАНАЗИЯ

Рассказ

Луч, пробившийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисует нечто на потолке. Я лениво поворачиваюсь, следя за ним. Мне чудится, что это размытые буквы, я пытаюсь прочесть. Но изображение быстро исчезает, унося за собой причудливые узоры. А машина проехала. Через несколько минут или секунд – что-то в обратном направлении. Трамвай – он не звенит, но я его слышу. Значит пора вставать. Сегодня мне удалось проснуться до звонка будильника. Я встаю, выключаю его, чтобы не разбудить жену. Она спит в соседней комнате, ей спешить никуда не надо.

Мне на работу, но это недалеко, всего пару кварталов. За полчаса я управлюсь, даже идя по свежеснеговому снегу. Палочка – а я, увы, вынужден на неё опираться, мне поможет. И я успею поднять жалюзи, открыть киоск, включить обогреватель ещё до приезда машины со свежей прессой. Рашид, как всегда, будет немногословен, но дружески улыбнется. Я проверю накладные, разложу газеты и журнальчики, и приму пост.

Постоянные посетители приходят чуть ли не к открытию. Метро далеко, целый квартал, и я, так сказать, ближний и надёжный источник знаний. Луч, если можно так выразиться, света.

Вы про тёмное царство, да? Я так не считаю, у каждого нечто своё, и даже мой, казалось бы, незначительный пост открывает определённые возможности. И пока что жаловаться на судьбу нет оснований. Разве что...

Но что обо мне – рассказывать неинтересно, у меня есть небольшая подушка безопасности, а в ней – кубышка, в которую я периодически докладываю доход. Даже к пенсии не притрагиваюсь. Сидеть и наблюдать интересно, народ спешит, заглядывает, что-то спрашивает. А я запасливый, у меня все есть. Сегодня зайдут Гафтыч и Геручик, писатели. Они отчаялись хоть что-то продать, а я им помогаю, рекомендую. И десяток-другой книжек каждый месяц уходит в народ. И писатели довольны, и мне приработок.

Ещё пользуется спросом «За здорово живёшь», журнальчик на газетной бумаге. Или газета? Два раза в месяц, некоторые аж прямо охотятся, чтобы не пропустить очередной номер. Признаться, я его не открывал, так, обложка, и всё. Не верю я ни в чудодейственные рецепты, ни в поликлинику. Скриплю пока. А вот некоторые...

Вот пожилая парочка – может, около шестидесяти, часто останавливается. Муж – высокий, прямой, как... и женщина. Она заинтересованно спрашивает, пришел ли журнал, а он стоит в стороне, скептически смотрит и покуривает. Я понимаю его, но если женщине интересно, так пусть читает. Моя тоже, но привыкла, что делать это надо не в моём присутствии. Вот и сегодня вечером они зайдут, уже отложил новый номер...

Народ идёт на работу и просто желает узнать, что пишут наши газеты. Будто у каждого нет телевизора или интернета! Наверное, с Булгаковым они не знакомы, а зря: «И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет. Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно». Я это понял и не заразился. Наши газеты, как бы это сказать. Я продаю, а не читаю. Ну разве там напишут, что у нас сейчас самый длинный период стабильности, то есть застоя за всю историю России, даже застойбище. И что МРОТ в Гондурасе в два раза выше. И что «Спартак» опять под-

судили. И что печатают только то, что сказали наши, а противоположная сторона. Что вообще молчала. Вроде правда, да вот не вся.

Отвлёкся.

Да, эта парочка. Иногда он проходил мимо один, я, если не был занят, выходил с ним покурить, поговорить о том о сём. Он, конечно, скептически относился к увлечению жены медицинской литературой и народными средствами. Та выглядела ещё о-го-го, и никто не дал бы ей те самые роковые шестьдесят. Могу побиться об заклад, что она, если и читала, то не использовала на практике. Да и зачем, когда всё хорошо?

Только что-то давно их не было. Вот писатели – те да, навевываются, интересуются. А супруги – то ли переехали, то ли изменили маршрут. Как и я – в середине декабря днём мой киоск совершенно неожиданно перевезли поближе к метро с целью оптимизации. Что говорить, покупателей стало больше, а свободного времени соответственно меньше. Но я не ропщу, ко всему привык.

Контингент сменился, но многие захаживали по старой памяти, это мне знакомо. Как и та женщина, Галина. Она пришла промозглым февральским днём, когда в воздухе стоит снежно-дождевая пыль, ветер противно бьёт в лицо. Вам-то прекрасно известно, какая у нас зима – то дождь, то заметёт, ну и гололёд... Убирай не убирай, само растает.

Я сразу узнал её, хотя она изменилась и выглядела уже не так бодро. Спросила странную газетку, я достал несколько номеров – знаете ли, придерживаю для постоянных покупателей. Расплатилась, и тут чёрт меня дёрнул:

– Что-то вас, Галина Иосифовна, долго не было. И Семёна тоже.

Она мгновенно помрачнела и...

– Случилось что? Неужто... – ум-то у меня не поспевает за речью, вот какая беда.

– Нет, хуже.

Из глаз женщины брызнули слёзы, тут уж я подсуетился, раскрыл дверь:

– Заходите, у меня просторно, сейчас чайку с бальзамчиком.

Поставил табличку «Технический перерыв», опустил жалюзи.

Через некоторое время женщина перестала плакать, отогрелась, да и бальзам своё дело сделал.

– В больнице он, неподвижен. Кома, что ли... Да, кома – это почти аут. Наслышан. Не дай бог кому.

– И давно? – глупей вопроса задать я не мог, но опять сорвалось с языка.

– Давно, – похоже, Галина Иосифовна привыкла к подобным вопросам, – извините, не сдержалась. Всё было хорошо, пока с этими пенсиями. Реформа, а он...

– Вроде у него всё было в порядке, так?

– Да, он на пенсии, и работает, конструктор, теперь-то специалистов мало, все в бизнес пошли. А потом... Я не знаю, как всё случилось, только мне сказали...

Она замолчала, а я не стал дальше расспрашивать, чувствуя, что ей тяжело и говорить, и слушать. Только сказал:

– А если я его навещу, может, поможет? Обычные воспоминания могут быть толчком, что-то сдвинется, мы же совершенно не представляем механизма. В общем, как мозг работает.

– Да, да, пожалуйста, – я чувствовал, что женщина готова ухватиться за любую соломинку, используют все возможности. Вот вернётся домой,

и будет читать желтые газеты с надеждой. А потом в отчаянии выбросит в мусор. Или сложит в аккуратную стопочку.

– Вас проводить?

– Не стоит, я живу рядом, да дочка приехала. Спасибо вам...

Женщина ушла, может, немного взбодрилась. За что спасибо?

Я стал думать. Впрочем, теперь это моё почти основное занятие.

* * *

Меня даже не спросили, к кому. Наверное, вид мой был весьма убедителен. Да и кто обратит внимание на пожилого человека с палочкой, к тому же в больничном халате? В общем, найти палату было несложно, имея определённый навык. Обычная, даже не реанимация, отдельная. Ах да, там же по страховке.

И плата – будь здоров. Или уже семья платит?

Народ снуёт по этажам, лифты, пандусы, каталки, посетители. Эпидемии нет, ходи где хочешь, только с уверенным видом.

Номер – на двери, палата одноместная, с туалетом, душем и диванчиком. Только ему-то зачем, если обездвижен? Зато родственники или друзья могут переночевать со всеми удобствами.

Правда, узнать его сложно: Семён осунулся, нос заострился, повсюду колбочки, шланги, штатив, капельница, самописец. Дышит сам, хотя аппарат искусственного дыхания стоит, но не подключен. Значит, какой-то шанс есть. Да он есть всегда, только после того уже нет, а необратимые процессы? Я далёк от этого, даже фаталист. Но ведь не все же такие!

Дышит, дышит. Может, это вовсе и не кома, а некое промежуточное состояние? Я что-то об этом слышал, но так далёк от медицины. И здорового могут залечить, а уж что с больным... Недаром народ подался к знахарям. Хотя я не прав, всяко бывает.

Я вздохнул и сел на стул рядом. «Как же тебя, бедного? Ты-то меня хоть слышишь?» Я даже вздрогнул – слабо шевельнулись ресницы, хотя заметить было сложно. Я кивнул головой, мол, понял. «Да, слышу, а говорить...». Опять слабое движение ресниц. «Значит, пойдёшь на поправку, я точно знаю...»

Да ничего ты не знаешь и понять не можешь. Я могу шевелить ресницами, слышу и понимаю всё, ты это хотел узнать? Так слушай.

Он смотрел на меня, я точно понимаю! Связь между нами установилась. Неужто ментальное общение существует? Я напрягся, заставив себя выбросить все посторонние мысли, почувствовал, даже пот выступил.

Время вечернего обхода ещё не пришло, капельницы почти полные, жидкость бежит по тоненьким трубочкам, поддерживая жизнь в обездвиженном теле.

* * *

Ты же знаешь, я жил неплохо, на жизнь вполне хватало, и даже больше – мы довольно-таки много могли себе позволить. Не бедствовали, в отличие от многих. Я не спрашиваю, как ты сюда пробрался. Не отвечай, не отвлекайся. Злополучный указ с пенсиями. Вроде бы меня не касается, и жены тоже, живи и радуйся. Но сердце-то болело – что будет, как будут жить-то? И так – да ты сам всё знаешь, что рассказывать. Слышал, что будут акции протеста, но предвидел, что никакого результата не будет. Всё заранее за нас решили, и ясно почему. В тот далеко не прекрасный

день я просто вышел прогуляться. Нет, день был хороший, жена уехала по делам, я был свободен. Здоровье позволяло, и я пошёл пешком по городу, даже не выбирая маршрут.

А тут народ. Много народа с транспарантами и полиция. Нет, всё тихо, мирно так, для профформы. Я невольно смешался с толпой, стал расспрашивать, что да как. Большинство тоже попало случайно – увидели и присоединились. Но разговоры только на одну тему, и уже неинтересно. А народу всё прибывало. Милиция, то есть полиция, вела себя мирно, знать, всех реформа коснулась. И то понятно – несколько лет поработаешь, приработок и пенсия к тому же. Многие, многие ждали момента выхода на пенсию и не думали бросать работу.

Я понял, что мой собеседник вздохнул. Взял его за тёплую руку, кивнул, а мысленно не встречал, опасаясь прервать контакт.

Он продолжал: и в какой-то момент я даже не понял, все куда-то ломанулись, и я тоже. Помнишь Ходынку и потёмкинскую лестницу? Я ничего не почувствовал – то ли меня толкнули, то ли сам упал. И всё, даже боли не почувствовал. Вижу, слышу, но не могу пошевелиться. Народ как-то сразу расступился, откуда-то появилась скорая помощь, и я здесь. Беспомощный, наедине со своими мыслями.

Да ты уже иди, скоро обход. Хотя тебя в телевизоре видно.

Я оглянулся: висящие на стенке белые часы с тёмными стрелками показывали половину шестого, и мне тоже пора, работа, которую терять нельзя. Я кивнул и сказал, что приду завтра. Семён сигнализировал движением ресниц и отключился. И я не позволил себе пожалеть его – я понял, что он мужественно переносил своё нынешнее состояние и не надеялся на выздоровление.

Я успел на вечернюю смену, пришли мои писатели с новыми книжками. Продам, конечно, если они будут пользоваться спросом, постараюсь. Понимаю, как всем непросто. Пообщались, но о сегодняшнем визите я умолчал, хотя сюжет... Но это только моё, я не имею права, и даже жене ничего не скажу. Завтра приду в это же время, надеюсь ни с кем из родственников не пересечусь.

* * *

«Пришёл? Ну как там, на воле?» – Семён телепатировал мне, когда я взял его за руку.

Странно, она по-прежнему была безжизненно-безвольной, хотя в ней пульсировала кровь. «Сколько?» – «Пятьдесят шесть. Это нормально, даже слишком», – я позволил себе усмехнуться. Хотя какой тут смех! Лежит абсолютно беспомощный человек, обвешенный трубками, аппаратами, поддерживающими жизнь, всё понимающий, но... «Да не жалей меня, я ничего не чувствую. Немного неудобно, когда за мной убирают, переворачивают, моют, но это неизбежно». – «Потерпи, будет улучшение, ты встанешь на ноги или сядешь в инвалидное кресло...» – «Нет, я знаю, когда-то читал, не помню где. Если нарушена связь со спинным мозгом, её нельзя восстановить. Я это понял даже из обрывков разговоров. При мне стараются ни о чём таком не говорить, но всё-таки понял, что процесс необратим».

Несколько минут молчания. Да, не позавидуешь Семёну. Родные приходят, тоже берут за руку, но контакта со мной установить не могут. Но рассказывают, думая, что я понимаю. Я и слышу, и понимаю, но сиг-

нализировать глазами не хочу. Зачем? Они только будут осторожнее, я вообще ничего не узнаю. Нет, мне совсем не скучно, как можно предположить. У меня появилась масса свободного времени, и я могу думать, свободно думать. Но анализировать жизнь бесполезно, что было, то было. А что впереди? Мысли закончатся, пойдут воспоминания друг за другом, до сумасшествия. Но никто не решится отключить меня от аппарата...

Кстати, когда... ну ты понял, всё закончится. У меня есть небольшие сбережения. Вклады, карточки. Запоминай, потом ты скажешь Гале, но только потом. Я знаю своих. Скоро, через пару недель, страховка закончится, и тогда... Истратят всё, но зачем? Пользы от этого никакой. Ты сделаешь это?

Я кивнул. Память у меня прекрасная, не могу пожаловаться. На последней работе я был завскладом – выдавали рабочим инструмент, а там необходима внимательность. Но до того работал слесарем, окончил заочно институт и получил повышение. Однако ничто не вечно – завод находился в престижном районе, и много желающих занять эту территорию. Кого-то уволили, кто-то, как и я, вышел на заслуженный отдых и нашёл заранее присмотренную работу в киоске.

– Так вот, – продолжил Семён, – я не могу понять, зачем ввязался? Или это было predetermined заранее? Не могу пройти мимо несправедливости. Хотя сейчас думаю, а так – смирился и жил. Приспосабливается народ, и я ничуть не лучше. Кстати, ты не знаешь, как там с реформой?

Меня это тоже не затронуло, сто-двести рублей, отнятых у работающих пенсионеров, – да бог с ним. А вот несколько сот тысяч – совсем другое дело. Народ у нас терпелив, только до какого предела? Вот, перечитываю Салтыкова-Щедрина, сколько там лет прошло?

А я не читал, ты мне расскажешь? В школе проходили, я ничего не понял, а сейчас, ты говоришь...

Я немного рассказал, а он только качал головой. Нет, реально Семён был неподвижен, но я чувствовал.

В коридоре слышались шаги – наверное, сегодня пробыл чуть дольше.

– Вы из какого отделения?

– Из травмы был, а теперь в терапию перевели.

Мой честный взгляд, голос и больничная одежда не вызывали никакого сомнения в том, что я тоже один из обитателей этого лечебного учреждения.

Мне пришлось отпустить руку Семёна, и контакт между нами прервался.

Медсестра меняла капельницы, колбы, поправляла подушки. Стала перестилать постель, я спросил:

– Помочь?

– Да, не откажусь, поддержите здесь.

Уход – на хорошем уровне, похудевший Семён переносил процедуры стоически. Ведь он ничего не чувствовал! А мне стало жутко жалко и непонятно – за что это? Человек жил, работал, приносил пользу государству, и вот... пройдёт некоторое время, и его безжалостно выкинут отсюда – страховка не вечная. А родственники начнут собирать деньги по сусекам, продавать всё, что можно, без малейшей надежды на выздоровление. И ждать. Как там у Пушкина? И наступит момент полного разорения, а надежды не будет, не будет! И всенародный клич – да не будет этого, немолодой усталый мужчина кому интересен?

А Галина Иосифовна ничего не знает о моих визитах. Зайдёт – расспрошу, но очень осторожно, чтобы не выдать себя. Понимаю, как ей тяжело. А мне не переключиться на другие мысли, я вынужден всё держать в себе. Вечером кто-то из пенсионеров принёс листовку – «Все на митинг против...». Но я не пойду. Мне стало страшно: а вдруг подобное приключится со мной, и я окажусь в беспомощном положении...

* * *

Митрофаныч ушёл, а я остался наедине со своими мыслями. Много чего приходит в голову, когда целыми днями практически один, даже если кто-то приходит.

Родные сидят, смотрят с сожалением, что-то говорят в надежде, что я услышу. Я-то слышу, но мне не нужны слова утешения. Интересно, когда дадут согласие на отключение? Ужас, ответственность на себя брать и потом корить до конца уже собственной жизни. Да и никто не решится – пульс нормальный, кровь бежит по жилам, сердце бьётся. Так это почти убийство. Разве что случайно.

Когда закончится страховка, переведут куда-нибудь похуже, здесь не оставят, я ж не Стивен Хокинг, но не выбрасывать же пока живого человека. Висит календарь, я вижу даты. Осталось меньше недели. Приходили с работы, принесли цветы – вот они, в вазочке, и гладили по руке, будто я уже в последнем пути. Но никто ничего не понимает, не знает, что я... Рассказывают, как дела, я всё слышу и понимаю, говорят, чтобы я держался. Оптимисты.

Но обратной связи нет! И даже телепатической, как с киоскёром. Почему именно с ним? Подумаю, но знаний не хватает. А он не решится отключить меня, как бы случайно, или... Хотя понимает. Вот сейчас. Я мысленно напрягаюсь, пытаюсь ускорить ток крови. Получается ли? И кто это заметит? А сейчас? Я решил продолжить.

* * *

Пришёл молодой доктор, бегло посмотрел на меня – без изменений, потом – на компьютер, что-то увидел и вдруг вскочил...

Достал мобильник и вышел из палаты. Значит, что-то заметил? Но я понял, что могу управлять движением крови! А остановить? Интересно. Надо попробовать, но потом. Пока же... Жажда жизни есть у всех, даже у полностью обездвиженных и безнадежных.

Я спрашиваю себя: ввязался бы в эту историю, если бы знал последствия? И не нахожу ответа. Мой порыв был случайным, но подготовленным прошлой жизнью. Можно спросить, был ли я борцом за справедливость? А что, собственно, назвать справедливостью? Я не знаю, и не буду искать ответ. А насчёт несправедливости – это ясно. Нельзя обижать слабых, немощных и т.д. Но я сделал разве что-нибудь, чтобы изменить положение? Помог ли кому? Нет, сам терпел и пытался выживать. И получалось неплохо. Не думая, вернее, надеясь, что до меня дело не дойдёт.

А теперь я в беспомощном положении, и никаких шансов. Я знаю, так будет всегда – усталые родственники, родные – ну когда же? Это в душе, но никто не признается. Более того, будут стараться продлить моё бесцельное и беспомощное существование. Истратят все накопления, продадут остатки валюты и, не дай бог, заложат квартиры. Как я буду смотреть им в глаза, с облака, когда неизбежное произойдёт...

И у меня остаётся один выход. И никто не узнает настоящей причины, не будет ни митингов, ни шествий. Спрячутся в свои скорлупки, пока их самих не достанет. Разве что активисты. Но что о них. Кроме самопиара – ничего! Значит мне необходимо найти способ ускорить процесс, пока не поздно. А времени всё меньше.

Чему удивился доктор? Что кровь стала бежать быстрее? Ну и что. А... идея. Если сконцентрироваться так, чтобы в какой-то момент в определённой точке – так, где воткнута иголка, ток крови усилился. Нет, не пойдёт, всё крепко-накрепко зафиксировано, не дай бог что. Значит, надо выбрать такой момент, когда будут менять капельницы. Удастся ли что-то выдавить? И я стал готовиться, никто об этом не знал.

Каким-то образом мне удалось найти именно эту точку. И когда медсестра вытаскивала иглу из – ну не знаю, как точно назвать, выдавить капельку крови. Сестра вздрогнула, быстро поставила зажим, но результат я всё-таки получил. Но смогу ли я, хватит ли? Да, можно превратить энергию микроэлементов... Что там? Магний, калий... Но тогда мозг перестанет соображать, и мне не удастся осуществить задуманное. Или... Всё-таки надо попробовать.

Завещание. Я давно написал, никаких официальных прощаний, речей, отпеваний. И минимум родственников, что им делать? Разве что поддержать вдову. И на работе говорил то же самое, правда, мало кто воспринимал всерьёз. Шутили. Вот и дошутились. Оглядываясь назад – наверное, в последний раз, думаю, правильно ли я тогда поступил? Не проще ли было пройти мимо, свернуть в переулок, зайти в кафе, а потом посмотреть по телевизору, прочесть в новостях и осудить «преступные действия» или бессмысленность протестов? Наверное, я и сейчас сделал бы то же самое.

Просто наступает такой момент, когда ты уже не можешь оставаться в стороне. Но только не у всех одновременно наступает он. И никакой революции. «Верхи не могли, низы не хотели, но всё же терпели, терпели, терпели». Да, жизнь стала лучше, но относительное обнищание и растущее бесправие. Теперь каждый может говорить всё, что хочет, а смысл... «Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы... гнетут». Мысли путаются, я не могу чётко сформулировать даже не знаю что... И киоскёр не приходит. Хотя у него свои дела, да и возраст. А мне есть что сказать.

Устал я от мыслей. Кровь бежит, подгоняемая аппаратом, мне нужно отдохнуть, чтобы сконцентрироваться на главном. Если получится, кровь просто перестанет питать мозг, и я ничего не почувствую, даже не успею испугаться. Что, думаете, мне нестрашно? Только надо подождать, пока мои уйдут, чтобы не видели.

* * *

Не смог я выбраться в больницу к Семёну. Что-то нога подвела, еле доходил до киоска, а там сидишь себе. Побаливает, мазью натрёшь – на время полегчает, но о том, чтобы пойти далеко, и речи нет. Неделю так маялся, думал даже на процедуры записаться. Только к ревматологу в нашей поликлинике можно попасть по записи. Так же и с невропатологом. Ничего, я привычный, интернет всё расскажет. Только сердце стало пошаливать. Никому не говорил – и так известно – от старости. А врач скажет, даже думать не надо: «Ну что ж вы хотите, голубчик! Возрастное у вас». Мол, дышишь пока и живи, и не морочь занятым людям голову. И

то верно. Дышу и никому не мешаю. И вправду – врачей мало, стариков стало много, зажились. Ещё и пенсию им плати.

Галина Иосифовна не заходила. Может, мне уже и спешить не к кому. Вздрыгнул – нет, ещё поборемся. Я попробую внушение – чем чёрт не шутит, что мышцы у Семёна могут сокращаться, что он сможет ими управлять. Да что я, даже моих поверхностных знаний хватало, чтобы понять: процесс необратим. И если он сможет общаться – пусть только со мной, это облегчит последние дни его существования.

Наконец я почувствовал в себе силы, нога отпустила, вызвал такси и поехал в больницу. Иду себе с палочкой да в халате. Меня наверняка уже заметили, почти своим стал. Случись что, сюда и привезут. Поднялся на этаж, там – суета. Санитары с каталками, молодой озадаченный чем-то доктор. На меня – ноль внимания. А я – к палате. Возле неё – суета. Заглянул – весь потолок забрызган кровью, и пол тоже, штатив с капельницами опрокинут, а постель пуста.

Сердце ёкнуло. Неужто его замысел сработал? Как только он смог! Бедный Семён.

Молоденькая медсестра сидела за столиком в коридоре и тихо плакала.

– Милая, что случилось-то?

– Да вот, – она глотала слёзы, – Семён Петрович. У нас-то всё под наблюдением, особенно тяжёлые, но не будешь же всё время в телевизор смотреть. Датчики стоят, чуть что – сразу сигнал, туда и бежишь. И сейчас, буквально через десять секунд, мы были в палате. Но было поздно. И как назло, полчаса не прошло, как родные ушли. И теперь им надо сообщить.

– А как?

– Да выскочила игла, по которой раствор капали. Ума не приложу, такого на моей памяти не было. Будто вырвали её с корнем, и из раны – фонтан. Зажали, чтобы прекратить поток, тут же – за физраствором и кровью, но слишком много потерял. Наверное, и внутреннее кровотечение. Не уберегли.

Девушка разрыдалась:

– Это я виновата, если бы была пошустрее, то может, и успела бы. Он же совсем был беспомощный!

«Нет, не беспомощный, раз сумел сотворить такое», – подумал я, а вслух сказал:

– Не корите себя, видно, судьба так распорядилась, и Господь его к себе позвал, чтобы не мучился.

* * *

С утра Гафтыч и Герунчик обошли несколько точек, книги продавались плохо, но несколько сотен наскребли. Посидеть с пивом, поделиться творческими планами, посетовать на жизнь да помыслить косточки таким же неудачливым коллегам. Что может быть лучше? Напоследок решили наведаться в киоск, может, и старик продал что-то? Не продал, да и бог с ним, зато поговорить можно. Даже угостить. «Интеллигентный он человек», – сказал Герунчик, а Гафтыч согласился.

Почти стемнело, когда за разговорами они наконец добрались до киоска, приговорив по дороге полторашку «Охоты». И недорого, и эффект есть. По крайней мере настроение повысилось.

В киоске горел свет, дверь была приоткрыта. Они нагнулись к окошку. Старик сидел неподвижно, рядом – разбросанные листки рукописи.

– Вызывай скорую помощь, что-то не то.

– Да, похоже, Митрофанычу она уже не поможет.

Однако вызвали – мол, так и так, с киоскёром неладно. И помочь уже нельзя.

Подобрали листки, испещрённые пометками.

– Смотри сюда, похоже, Митрофаныч заделался писателем! Теперь каждый графоман мнит себя...

– Ого, дай-ка и я гляну. Прочёл заголовок: «Застойбище», гм...

Пробежал опытным взглядом по тексту, перебирая пронумерованные странички.

– Послушай, ему-то они теперь ни к чему, а нам сгодятся.

Кто сказал первым, неважно, главное – думали они в одном направлении.

Сложили листки в папку, положили в портфель рядом с запотевшей бутылкой и стали ждать скорую.